

АНАТОЛИЙ КРЫМ

Дёвчушка

Анатолий Исаакович Крым
Лёвушка
Серия «Пятый переплет»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34377896
Лёвушка. Повесть: Детская литература; Москва; 2019
ISBN 978-5-08-006219-3*

Аннотация

Имя писателя, сценариста и драматурга Анатолия Крыма известно не только в России, но и во всём мире. Повесть про маленького мальчика Лёвущку настолько полюбилась читателям, что в американских университетах и колледжах штата Массачусетс он входит в программу по внеклассному чтению. А в России уже много лет постановки его пьес имеют колоссальный успех.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

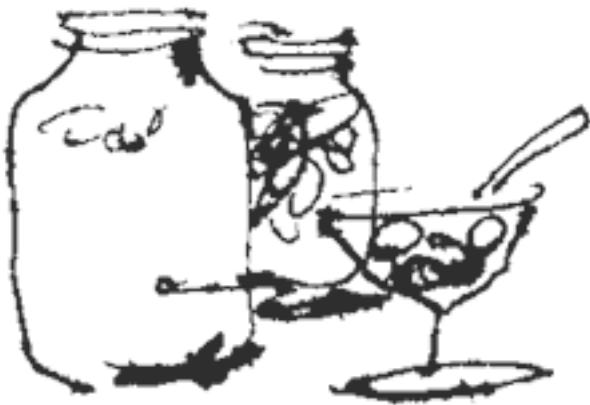
27

Анатолий Исаакович Крым

Лёвушка

Повесть

*Моему другу, чей дворик на Подоле навсегда
остался в моём сердце*

Неизвестно, какой архитектор нафантазировал это нагромождение деревянных скворечен в два этажа, скрипучих лестниц, полутёмных переходов с подгнивающими досками. Дополнением к его зодческим фантазиям служил малень-

кий, с неприменным столом, вкопанным в землю, четырьмя корявыми пеньками и отполированными до блеска лавками, дворик, окружённый высоченным забором, за которым была скрыта от постороннего глаза бурная жизнь многодетных семей. Как правило, семьи эти состояли в близком родстве, сам же дом, первоначально задуманный как добротное одноэтажное строение, начинал возводить один из удачливых дедов-прадедов, а поскольку потомки старательно воплощали в жизнь библейскую заповедь «плодитесь и размножайтесь», то каждому сыну или дочери перед свадьбой пристраивалась отдельная комната, и тогда дом расширялся, карабкался вверх мансардами и чердаками, пока не выяснялось, что дальше строить некуда, дальше – забор, а за ним – улица, и тогда в комнатах ставились перегородки, примусы выносились на лестницы, которые, в свою очередь, срочно обшивались рамами и превращались в кухни.

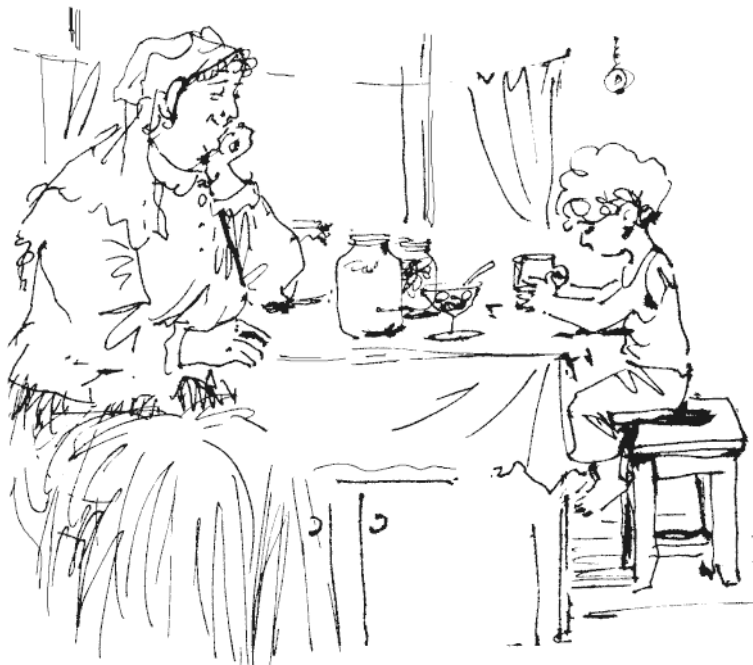
Неудивительно, что чем теснее становилось обитателям этого нелепого деревянного замка, тем веселее становились игры многочисленной детворы и тем чаще ссорились их ро-

дители. В крайней башне с остроконечной крышей, покрытой ржавой жостью, рос хилый и болезненный мальчик по имени Лёва. Дети неохотно брали его в свои игры, потому что он был неуклюжим, всё время падал, а упав, истошно ревел, размазывая сопли по розовой мордашке. Зато его обожали родные бабушки, потому что ребёнок не был замечен в невинных детских грехах, не говоря уже о том, чтобы привязать к кошачьему хвосту пустую консервную банку, – любимая забава двоюродных и троюродных братьев. А если учесть, что на двух бабушек Лёвушка был единственным родным внуком, стоит ли удивляться, что его ангелоподобная мордашка всегда лоснилась домашним вареньем и поцелуями.

Одну бабушку звали Роза, другую – Даша. Бабушки не разговаривали друг с дружкой с того самого дня, когда их дети объявили о своём намерении пожениться. Слышали бы вы крик, который в тот день крутил ветки распутившейся сирени и вырывал с корнем чахлую траву. О проклятьях я умолчу, потому что боюсь их даже переносить на бумагу, но даже угрозы «только через мой труп» не возымели должного действия. Наверное, у молодых дело зашло намного дальше, чем невинные поцелуи всё в тех же кустах сирени, подпиравшей забор по всему периметру, и отступить, как сказала знакомая акушерка, было некуда. Как бы там ни было, но Лёвушка, родившийся в результате подобного демарша, ничего не знал ни о криках, ни о проклятьях, и вообще, его появ-

ление на свет произошло в тишине – ледяная враждебность между подольскими «монтекки и капuletти» возвышалась повыше любого забора. Зато когда он стал самостоятельно ходить, то в полной мере узнал, как хорошо иметь сразу двух бабушек.

Целыми днями женщины, подобно сказочным хищным птицам, высматривали из полуслепых окошек внука, набрасывались на него, затаскивали в свои гнёзда и там давали волю страстям – закармливали вареньем, фруктами, тискали и целовали и почему-то беззвучно плакали. И уж так повелось между ними, что не успевшая поймать внука безропотно отступала на свою территорию, надеясь, что в следующий раз окажется проворнее.

Родители мальчика общались с родительницами при помощи двух слов: «здрaсте – до свидания», молча поощряли соперничество пожилых конкуренток и были счастливы, как английские монархи, из-за политики которых соседи постоянно воевали до последнего подданного. Родители Лёвушки, будь они поумнее, настрогали бы для сына братьев и сестричек, благо есть кому нянчить, но, вероятно, это занятие им

разонравилось, потому что после работы они каждый день спешили в кино. Кино было их единственной страстью, более того, оно превратилось в смысл жизни, ради которого стоило жить и в свободное время ходить на работу.

Когда мальчик научился разговаривать, а заодно и сообщать, он спросил бабушку Дашу:

– А почему ты не дружишь с бабой Розой?

Женщина метнулась к окну, задёрнула занавеску и сердито зашипела:

– Тссс! Вырастешь – узнаешь! Баба Роза плохая! Не ходи до неё!

– Почему? – испуганно прошептал внук. – Она бабайка?

– Хуже! – сдавленным шёпотом вскрикнула баба Даша. – Хуже бабайки! Она Бога продала!

– Бога? – удивился мальчик, зная, что бабушка Роза ничем не торговала. – Какого?

– Нашего.

– Какого нашего?

– Иисуса Христа! – И женщина истово перекрестилась. Мальчик наморщил лобик и почти удивлённо произнёс:

– А она каждый день мне варенье даёт! Сколько я хочу. Пока не лопну.

Бабушка Даша подумала, затем произнесла приговор:

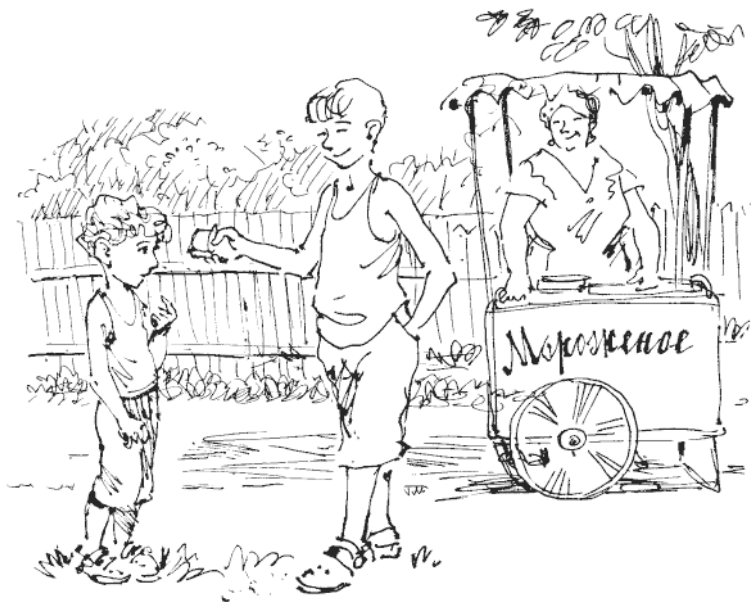
– Они все такие. В душу лезут со своим вареньем, а опосля он што выходит!

Послевоенный быт был лёгок и неспешен. И каша, буль-

кавшая на кипящих примусах и пыхтящих керогазах, растила детей не по дням, а по часам, и тихие воскресные вечера, когда многочисленная родня выносила во двор стулья и табуретки, чтобы под шелест семенной шелухи вдоволь наговориться, сыграть партию в домино или переброситься картишками, а иногда и раздавить «московскую» под плавленый сырок, были предвестниками той счастливой жизни, которая ожидала каждого где-то там, впереди.

Незаметно Лёвушке исполнилось пять лет, и он захотел иметь карманные деньги, как у его двоюродного брата Вити. Конечно, Вите было уже восемь, но это ни о чём не говорило – мама постоянно била сына веником и кричала, что в её доме растёт форменный бандит. А всё из-за маленького ножичка и рогатки, которые Витька носил за пазухой, и, конечно, из-за его скверного характера. Витька любил драться и употреблять слова, которые даже взрослые произносили либо шёпотом, либо в состоянии сильного подпития. А вот Лёвушка завидовал брату, даже трепетал перед ним. Не раз, припав лицом к дырке забора, он с восторгом наблюдал, как Витька летит через улицу к гастроному, аккуратно к появлению человека в белом халате и с ящиком на тележке с большими колёсами. Человек этот продавал мороженое, оно, как известно, вкуснее всяких вареньев, потому что, во-первых, было холодным, а во-вторых – продавалось за деньги. Иногда Витька по-братски давал Лёвушке лизнуть разок-другой

обжигающий морозом квадратик, но с каждым днём мальчику хотелось большего. Он мечтал съесть весь квадратик целиком, не спеша, смакуя и облизывая пальцы. Но однажды, попросив у одной и у другой бабушки денег на мороженое, внук получил отказ, словно они сговорились. Даже слово произнесли одно и то же – гланды. Странно, что, давно не разговаривая друг с дружкой, они знают одно и то же врачебное слово.

В одно из воскресений Лёва с самого утра поджидал во дворе Витьку. Именно в воскресенье Витька совершал свой стремительный рейд к мороженщику, но сегодня Лёвушке вряд ли пофартит лизнуть вожаделенную прохладу, потому что Витька ещё накануне предупредил, что дармовщина закончилась, а если братец хочет четвертинку сливочного в стаканчике, так пусть попросит денег у любимых бабушек или, на худой конец, стибрит у родителя двадцать копеек, пока тот спит. Первый вариант был сомнителен из-за невидимых гланд, которые ему совсем не мешали жить, но приводили в неопикуемый ужас бабушек, о втором – мальчик и думать не смел, памятуя, как однажды без спросу взял родительские часы и нацепил их на руку, желая похвастаться троюродным сестричкам, и что отец в отместку сотворил с его попкой. Оставалось уповать на то, что Витьку вчера родной отец не лупил и настроение у брата будет миролюбивое, однако, когда Витька нарочито громко топал башмаками, спускаясь по лестнице, и при этом морщился, почёсывая зад, Лёвушка понял, что плохи его дела, и сердце мальчика от горя наполнилось слезами.

Боясь расплакаться, он слонялся по двору, буравя взглядом бабушкины окна, и когда в одном из них заметил силуэт бабы Даши, то решил сделать последнюю попытку. Для этого надо придумать, зачем ему понадобились двадцать копеек, а так как врать он не умел, то, переступив порог комнаты, опустил голову и напряжённо молчал.

Баба Даша была одета во всё выходное: на плечах красовался платок с большими красными розами, от бабушки даже пахло одеколоном. Улыбаясь, она восторженно встретила внука:

– Сонечко моё! Ты уже встал? А чай пил?

– Нет. – Лёвушка ковырял сандаликом половицу.

– Ну конечно, твои родители спят – одна кина на уме! Иды сюда, мой воробышек, бабушка тебе компотик нальёт. Пей, мой сладкий, пей, мой хороший!

Залпом осушив здоровенную кружку компота, отчего живот сразу же стал круглым и упругим, как барабан, мальчик шумно вздохнул и решительно выпалил:

– Ба, дай двадцать копеек!

– Мороженое?! – выпучила глаза баба Даша. – Я тебе тыщу раз говорила: не можна! Вот удалят гланды – сколько хочешь. А сейчас не проси. Нет, нет и нет!

– А когда их удалят?

– Осенью вырежут.

– Вырежут?! – Глаза мальчика округлились. – Ножом?!

– То не больно, – поспешила успокоить бабушка, и мальчик передумал плакать.

– Так не дашь двадцать копеек? – помолчав, спросил внук.

– Не дам, – мягко отказала бабушка. – От што хочешь, только не мороженое.

– Мне не на мороженое, – неуверенно соврал внук первый раз в своей жизни.

– А на что?

– Просто. У всех братьев есть деньги, а у меня – нет. А Витька из-за этого играть со мной не хочет.

– И слава богу! Витька будет бандитом. Не треба с ним играть.

– А с кем мне играть?

– С кем хочешь, только не с Витькой. Подальше от него.

– Витька будет бандитом, а я кем?

– А ты, – лицо бабушки расплылось восторгом, – будешь доктором, будешь лечить бабу Дашу, когда она станет старенькой и больной.

Но Лёвушка думал о своём и мысленно поклялся, что не выйдет из бабушкиной комнаты без вождеденных двадцати копеек.

– Ба-а, – тихо и не по-детски вздохнул он. – Дай двадцать копеек. Просто так. Поносить. Я потом отдам.

Непонятно отчего, но баба Даша вдруг зарыдала, прижала внука к своему большому тёплому животу и стала покрывать непричёсанные детские кудри яростными поцелуями:

– Сонечко моё, какие ж сволочи твои родители! Шоб они сгорели, безбожники! Шоб глаза ихние лопнули от кина!..

Когда список проклятий был исчерпан, женщина повернула внука спиной к себе, заправила рубашечку в штанишки и, задумавшись, прищурила взгляд:

– Хорошо, солоденький, я дам тебе... я дам тебе рубль, только ты сейчас пойдёшь со мной в одно место и никому

никогда об этом не расскажешь.

– Даже маме? – с ужасом прошептал Лёвушка, которого потрясла обещанная сумма.

– Даже маме! – решительно приказала бабушка.

– А если меня будут искать? Папа сказал, что убьёт, если я выйду за калитку.

– Шоб твоего папу молния убила, цю заразу прокуренную! Нехай только пальцем тронет! А станут искать – славно! Пускай волнуются. Пускай мучаются. Это им полезно! – злорадно припевала бабушка и, достав из шкатулки крестик, быстро нацепила на шею и спрятала под кофтой. – Я заступлюсь!

Уже во дворе, крепко держа внука за руку, она суровым взглядом полководца оглядела спящий двор и зачем-то показала в окошко бабушке Розе кукиш.

На улице Лёвушка едва успевал за размашистым шагом бабушки, сердце его трепетало от тревожного ожидания несметного богатства в виде целого рубля и родительской выволочки за самовольную отлучку. Конечно, ради рубля можно перетерпеть отцовский ремень, и бабушка вроде обещала заступиться, но думать о том, что произойдёт, уже было некогда, потому что через три улицы путешествие закончилось у порога большого каменного здания с золочёными крестами на луковичных башнях.

Сердце мальчика ухнуло и спряталось в глубинах живота. Он никогда не был в церкви, боялся даже думать о том, чтобы войти внутрь, потому что знал: в этом доме живёт Бог,

который всё видит, слышит и наказывает маленьких детей не только за плохие поступки, но, как говорили шёпотом взрослые, даже за дурные мысли. А таких мыслей у него за день накапливалось много.

Лёвушка притормозил сандаликами, но бабушка уже втянула его за собой в высокую залу, где на стенах висело множество шоколадных досок в золочёных рамах. От испуга он чуточку уписался и крепко сжал бабушкину руку, чтобы унять леденящую дрожь.

В церкви пахло чем-то сладким и терпким, с высоких каменных балконов падал мягкий печальный хор, а над всеми старушками в чистых застиранных платочках летал баритон бородатого человека в золотом одеянии, и на последнем излёте певучей фразы эти старушки, как по команде, крести-

лись, и огни свечей гнулись от невидимых порывов ветерка. И бабушка Даша крестилась свободной рукой, а когда не крестилась, то ласково поглаживала голову внука, вроде успокаивала, прогоняла страх. Но всё равно Лёвушке было страшно, и он был безумно рад, когда они вышли из церкви на залитую солнцем площадь. Облегчение было сильным и полным, как и полгода назад, когда они вот так же вышли из поликлиники, куда мама водила его делать прививку от оспы.

– Тебе понравилось? – спросила бабушка. Лёвушка кивнул, потом спросил:

– А бородатый дядя – это Бог?

– Нет, сонечко, это священник. Он служит Богу и читает молитвы.

– А где Бог? Ты же говорила, что в этом доме живёт Бог?

– Да, Бог живёт в церкви, это его дом, но люди не бачать его.

– А почему?

– Потому что он огромный, на всё небо, и яркий как солнце, и люди могут ослепнуть, ежели поглядят на него.

– А он нас видит?

– Он нас видит.

– А почему он прячется от людей?

– Он не ховаётся, – обиженно сказала бабушка, явно не готовая к подобным диспутам. – Он... он повсюду! Ему повсюду надо успеть и в нашем городе, и в заморских государствах тоже.

– И в Америке?

Бабушка насупилась, зашагала ещё быстрее, но внук решил повторить свой вопрос:

– Он и в Америке живёт?

– Не, они ему не нравятся. Они... агрессивные! – с трудом выговорила бабушка, вспомнив что-то из услышанного по радио. – Ну хватит. О Боге надо только думать – и меньше балакать.

Удивительно, но Лёвушка даже забыл об обещанной награде, увиденное и услышанное он пытался привести в соответствие со своим представлением о мироздании, очерченном до этого дня маленьким двориком и десятком постылых лиц, поэтому, когда за двадцать шагов до калитки их деревянного замка бабушка, оглянувшись, засунула руку за пазуху и достала оттуда новенький хрустящий рубль, он был ошарашен.

– На, только никому не болтай! А коли спросят, скажешь, шо мы ходили до магазина, за хлебом.

Лёвушка не верил своему счастью. Он так и шагнул во двор, крепко сжимая в кармане кулак с хрустящей купюрой. Неведомое чувство разрывало его надвое, он хотел хвастливо кричать, что является обладателем целого состояния, но боялся, что бабушка Даша рассердится и в следующее воскресенье не возьмёт его в церковь, а значит – не даст рубль. А ещё он не хотел разбивать новенькую бумажку на никелевые и медные монетки, которые отныне представлялись ему де-

шёвым капиталом, ведь если купить мороженое, то на сдачу дадут монетки, а их можно потерять, Витька их может стырить, неспроста взрослые говорят, что ему прямая дорога в бандиты.

Полдня мальчик страдал от нераскрытости своей тайны, страдал так, что заболели живот и голова. Впрочем, родители его не искали, и в этом он увидел хороший знак. Лишь через час, когда они вернулись с бабушкой Дашей из церкви, отец в грязной майке и длинных сатиновых трусах выполз во двор, закурил папиросу и присел к деревянному столу, на котором ежевечерне устраивались доминошные турниры той части родни, что ещё как-то общалась между собой. Заметив сына, отец равнодушно зевнул:

– Завтракал? – и, не дождавшись ответа, кивнул в сторону полуслепых окошек первого этажа. – К бабкам иди – накормят. Мать ещё спит.

Лёвушка кивнул головой и, хотя есть не хотелось, даже мороженого, которым Витька вызывающе дразнил его из-за кустов сирени, – посмотрел на окошко комнаты бабушки Розы. Интересно, видела ли она дулю, которую скрутила ей баба Даша? Наверное, не видела, потому что вон как улыбается, подзывает внука пальчиком.

Отцу, конечно, не расскажешь про рубль – отнимет, его по воскресеньям, кроме кино, ещё бокал пива червём точит, а вот бабушка – другое дело.

Мальчик стремительно влетел в комнатку, где попал в та-

кие привычные мягкие руки.

– Майн хаис, майн арц, майн эйникел таир, ой ло мир зан фар дир!¹ – запрочитала бабушка Роза и, вытирая передником нечаянную сопельку, как всегда, спросила: – Ты давно встал? А изверги твои спят? – и, выглянув в окошко, торжествуя усмехнулась. – Конечно, этот хозер, твой папочка, уже курит свою папиросочку, а моя дочечка, чтоб у неё руки отсохли, спит вместо того, чтобы покормить ребёнка. Даже кошка ухаживает за своим котёночком, а эта зараза, кроме кино, знать ничего не хочет! Губы покрасит – и в кино, а хозер – за ней. Чтоб им пусто было! Сейчас бабушка Роза покормит своего мальчика, у бабушки Розы есть блинчики вкусные, компотик.

– Я уже пил компотик, – сообщил Лёвушка и тут же прикусил язычок.

При слове «компотик» губы женщины сжались в тоненькую ниточку, и голосом сталинского следователя она спросила:

– И кто же тебе дал ком-по-тик?!

– Бабушка Даша, – скривил губы Лёва – и слёзы стремительно повисли на его пушистых ресницах.

– Я же тебя просила, майн хаис, чтобы ты не ходил к этой ведьме! Разве тебе не нравится мой компотик?

– Нравится.

¹ Моё счастье, моё сердце, мой внучек дорогой, все твои беды беру на себя! (иди).

– Ну и пей у меня. Бабушка Роза жизни не пожалеет за тебя. Я умру за тебя, радость моя! – И слёзы потекли по её румяным щекам. – Вейз мир², что они делают с ребёнком! Она подманивает его компотом, она хочет, чтобы он вырос гоем³, как её сынок. А чтоб тебе уже было!..

Лёвушка огорчённо шмыгал носом. Ему не нравилось, когда одна бабушка ругала и проклинала другую, потому что любил он их одинаково. Правда, сегодня он чуточку больше любил бабушку Дашу, поэтому ругательства в её сторону были особенно несправедливы и неприятны.

– На, ешь блинчики, мой золотой, кушай!.. – И, дождав-шись, пока Лёвушка отправит в рот первый блин, погрози-ла пальцем. – Ты с Витькой не играйся. Вылитый ганеф!⁴ Я знаю, что он тебе даёт лизнуть мороженое, думаешь, я в окно не видела? Не бойся, бабушка Роза никому не скажет. Вот гланды вырежем, я куплю тебе две порции мороженого. – И, посмотрев в окошко на курящего зятя, яростно тряхну-ла кудряшками, торчавшими из-под косынки. – Гланды! Эти сволочи не подумают, что у ребёнка гланды. Чтоб у них глан-ды выросли на лопатках! Ребёнок хочет мороженого, так им наплевать. И что ты делал, мой сладкий? – Она вытерла губы внука передником. – Игрался?

– Да, – едва не подавился блинчиком Лёвушка.

² Боже мой (*идши*).

³ Нееврей (*идши*).

⁴ Бандит (*идши*).

– За сараями? Я выходила во двор, но не видела тебя.

– Да...

– Что – да? За сараями? А зачем? Там много гвоздей, ты поцарапаешь ножку, потом будет заражение, а от заражения можно умереть. Зачем ты не слушаешь бабушку? Ты хочешь умереть?

– Я... я не был за сараем, – тихо прошептал Лёвушка.

– А где ты был? – в голосе бабушки вновь появились энкавэдистские нотки. – Ну?

– Я... я... не скажу тебе! – грубо выпалил внук.

– Не скажешь? – бабушкины очки сползли на губы. – Почему?

– Потому! Потому!

– Нет, ты мне должен сказать!.. Ой, вейз мир! – схватилась за сердце женщина, осенённая догадкой. – Ты... ты сам ходил... на улицу?!

– Ходил. И не сам.

– А с кем? С кем? С этим ганефом Витькой?!

– Нет, не с ним! – упрямо елозил блином по тарелке внук.

– А с кем?!

– Не скажу. Ты не умеешь хранить секреты.

– Умею, умею, мой хороший, скажи бабушке, я не буду ругать и никому не скажу. Что это за секрет?

Лёвушка исподлобья посмотрел в бабушкины глаза и понял, что Витька был прав, когда говорил, что девчонки любопытнее мальчишек. И чего ей так интересно?

– Дай рубль – скажу! – внезапно выпалил он.

– Что?! – не поняла бабушка, но Лёвушка не боялся наказания за свою дерзость, ведь ни одна из бабушек не шлёпала его даже ради приличия.

– Рубль дай, – не так оскорбительно, но настойчиво произнёс он, и на ходу придумал: – Это игра такая. За секрет надо заплатить.

Бабушка Роза, продолжая сверлить внука взглядом, медленно открыла дверцу посудного шкафа и достала из сахарницы купюру.

– Ну, вот! Теперь говори. Ну? Я же дала рубль.

– А ты никому не скажешь? – испуг опять отдался дрожью в коленках.

– Честное слово. Ты бабушке не веришь?

– И ругаться не будешь?

– Зачем мне ругаться? Ты же не ударился, не дай бог, не поцарапался, не порезался. Ну?

– Хорошо, скажу. – На всякий случай Лёвушка встал и отошёл поближе к двери. – Я ходил с бабушкой Дашей.

– Что?! – таким возгласом, наверное, начальник разведки реагировал на сообщение об измене ценного разведчика. – И... к-куда ты с ней ходил?..

Лёвушка покрепче сжал в кармане штанишек второй рубль – не такой хрустящий, как рубль бабы Даши, но всё равно настоящий, и тихо произнёс:

– В церковь.

Роза рухнула на табуретку, рука метнулась к сердцу, а голова отчаянно замоталась, словно пыталась отвинтиться от туловища.

– Нет, нет, нет, только не это, нет, я сейчас умру! Ой, я уже!

Лёвушка от страха уписался второй раз за нынешнее утро. Ему показалось, что бабушка немедленно выполнит своё обещание и умрёт, поэтому он разрыдался и спрятал голову на мягкой бабушкиной груди.

Через несколько мгновений бабушка Роза передумала умирать, слёзы высохли сами по себе, и, смачно поцеловав курчавую голову внука, она очень спокойным тоном произнесла:

– Я никому ничего не скажу. Но чтоб это было в последний раз. Ты слышишь? В последний раз. Самый последний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.